

УДК: 165.12 + 141

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ФИЛОСОФИИ СУБЪЕКТА В. ДЕКОМБА:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

С. К. Кудрин

***Аннотация.** В статье приводятся концептуальные основания философии субъекта Винсента Декомба. Предлагается теоретико-методологическая дескрипция этой философии, показываются ее истоки и развитие. Определяется что такое грамматический метод, выделяются его особенности и область использования. Показывается возникновение разума субъекта как дополнения агенса в качестве следствия грамматического метода. Доказывается необходимость концепции такого субъекта, в этом доказательстве выделяется важность интенциональных конструкций. Производится критика когнитивной эгологии как множества доктрин, мешающих создать более адекватный концепт субъекта, чем уже существующие. Описываются частные концепции субъекта — этический, политический и юридический субъекты. Отражаются их взаимосвязи и связь с общим концептом субъекта. Отмечается их значение в теории субъекта французского мыслителя. Показывается актуальность темы субъекта в начале XXI века в западной культуре. В конце статьи предоставляется список зарубежных и отечественных мыслителей, которые целенаправленно занимались и/или занимаются критикой философии субъекта В. Декомба, т. е. критикой как грамматического метода вообще, так и критикой использования грамматического метода у французского мыслителя в частности, а также критикой разума субъекта как дополнения агенса.*

***Ключевые слова:** философия субъекта, Винсент Декомб, грамматический метод, Людвиг Витгенштейн, аналитическая философия, французская аналитическая традиция.*

Проблема субъекта в современном мире крайне актуальна. Стоит выделить несколько причин этой актуальности: во-первых, проблема субъекта тесно связана с философской антропологией, в которой человек непосредственно рассматривается как субъект; во-вторых, она пересекается с политическими, социальными и этическими проблемами (В каких случаях субъект является политическим актором? Как совместить личное и общественное в рамках современных либеральных демократий? В каких границах человек волен распоряжаться самим собой?); в-третьих, она затрагивает проблематику исторической субъектности личности в массовом обществе.

Цель настоящей статьи — представить концептуальные основания философии субъекта В. Декомба и критически описать их.

В соответствии с целью текущего исследования, были отмечены три

Концептуальные основания философии субъекта в. Декомба: общее и особенное

задачи, соответствующие трем подразделам данной работы:

1. Дать теоретико-методологическую дескрипцию философии субъекта В. Декомба, показать ее истоки и развитие, а также разъяснить, что такое грамматический метод, его особенности и область использования и указать на следующее из него применение субъекта как дополнения агенса;

2. Доказать необходимость концепции субъекта как дополнения агенса, выделить важность интенциональных конструкций и произвести критику когнитивной эгологии, мешающей построить более адекватную теорию субъекта, по сравнению с имеющимися;

3. Описать частные концепции субъекта (этическую, политическую, юридическую), показать их связь с общим концептом субъекта, продемонстрировать внутренние связи между частными концептами и отметить их значение в философии субъекта В. Декомба, показав их неполноту и частичность.

Грамматический метод: субъект как дополнение агенса

Трактат «Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица» [1] оказал существенное влияние на пересмотр проблемы субъекта в европейской философии (см. [2]). В этом теоретическом труде В. Декомб подошел к изучаемой проблеме иначе, чем предшествующие ему философы [3], такие как М. Хайдеггер [4], Ж.-П. Сартр [5], Ю. Хабермас [6] и иже с ними. Хотя и у него были собственные предшественники, в том числе и из выразителей континентальной традиции, — К. Касториadis [7], Э. Анскомб (Энском) [8], Л. Дюмон [9], М. Дуглас [10], Ч. Тэйлор [11], Э. Тугендхат [12], П. Рикер [13]). Несмотря на это, метод, названный им грамматическим и примененный им к проблеме субъекта, относится к аналитической традиции в европейской философии. Само же его название взято В. Декомбом у французского лингвиста Л. Теньера [14], под влиянием его замечания, что «субъект, как и любой другой член предложения, может быть дополнением» [15]. Но в то же время Декомб перенял этот метод у одного из основоположников аналитической философии — у Л. Витгенштейна, который разработал его в рамках своей философии психологии (см. [16]).

Используя грамматический метод, В. Декомб при помощи семантического анализа выявляет то или иное значение исследуемого понятия (в текущей статье — концепт субъекта). Иначе говоря, при использовании этого метода не предлагаются уже сформулированные дефиниции, предварительно раскрывающие искомое понятие, а производится анализ существующих концептов, и из них, на основе данного метода, выделяется правильное значение этого понятия для философии практического действия, как утверждает сам В. Декомб. Подробнее функционирование этого метода разъясняется отечественной мыслительницей И. В. Дуденковой (см. [17]).

В. Декомб уточняет, что, в основном, концептуальный анализ, каковым и является грамматический метод, заключается в том, чтобы осуществить «различение и уточнение понятий, которые не касаются лингвистики, а называются грамматикой философии» [1, с. 13]. Здесь можно проследить связь мысли В. Декомба с

неопозитивисткой традицией, в которой также используется анализ понятий на осмысленность их и на степень их согласованности между собой.

Французский мыслитель считает, что философия субъекта до него представляла из себя собрание концептуальной путаницы [Цит по: 1, с. 11], избавиться от которой возможно лишь придерживаясь грамматического метода.

Необходимо сделать акцент на том, что для него [метода] определяющее различие — это разница между логическим и семантическим анализами. С точки зрения семантики, субъект предикации далеко не постоянно будет служить в качестве искомого субъекта (в определенных ситуациях они будут различаться), в силу того, что семантический субъект всегда один, а логических субъектов может быть больше. В качестве примера рассмотрим пропозицию «Виталик подбрасывает Арину». В ней два субъекта предикации: «Виталик» и «Арина», а семантический субъект — один — «Виталик», поелику он, а не «Арина», совершает действие. Семантический анализ изучает, прежде всего, смысл предложения и значения его отдельных частей. В логическом же анализе предложение разбирается с позиции его логической структуры, смысл же для него не имеет значения.

Исходя из различий между логическим и семантическим анализами, у В. Декомба появляется осознание субъекта в качестве дополнения агенса, поскольку, согласно грамматическому методу, только этот субъект является «внятным и необходимым» [1, с. 12].

Соответственно, необходимо отчетливо различать агенс и его дополнение, так как сие различие весомо для восприятия главного в концепции субъекта по В. Декомбу. «Семантическая категория агенса указывает на активного участника ситуации, совершающего в ней действие, и/или контролирующего ее» [18, р. 54]. Грамматически агенс является глаголом, а «его дополнение — семантический субъект при пассивной форме глагола» [19] — существительным. «Дополнение агенса обычно связывается с возможностью активно-пассивной трансформации и с активным действием одушевленного лица» [20]. Так, разберем предложение «Паша встретил Анну», поставив его в пассивную форму — «Анна была встречена Пашей». Агенс в нем будет являться самим действием — «была встречена», дополнением к агенсу тут будет выступать существительное — имя собственное — «Паша» в творительном падеже — «Пашей».

В. Декомб полагает субъекту следующие атрибуты: 1) идентификацию в качестве индивида; 2) материальность, или связность; 3) присутствие в мире в роли причинного начала. По его мнению, субъект как дополнение агенса имеет более аристотелевскую природу, чем картезианскую (он более *ὑποκείμενον*, чем *cogito*).

Необходимость интенциональных конструкций и критика эгологии

Французский философ, обращаясь к вопросу о необходимости концепции субъекта, использует доказательство от противного. Он хочет показать, какой бы была «философия без субъекта», и как бы она функционировала. Такое неожиданное решение В. Декомба — удобный случай доказать необходимость в концепте субъекта. Согласно ему, при подобной постановке проблемы, представляется возможным решить

Концептуальные основания философии субъекта в Декомба: общее и особенное

сразу два важных вопроса: 1) что следует из «философии без субъекта»?; 2) является ли открытие субъективности разницей между древним и современным человеком?

Винсент Декомб анализирует две различные ситуации «философии без субъекта»:

1) В бессубъектных конструкциях (в коих «человеческое описание мира сводится к описанию бессубъектных процессов, вследствие чего дискурс целиком обращается к использованию "безличных фраз"» [1, с. 30]), «когда опыт не <...> позволяет определить объект. Когда идет речь о феномене, который говорящий не может поместить перед своими глазами и изолировать "зоной внимания", он не способен приписать ему концептуальную структуру, противопоставив объект тому, что ему соответствует. Это происходит, когда мы описываем погоду или аффективные состояния, которые завладевают нами целиком и полностью» [21].

«В такой ситуации, когда у глагола нет субъекта, теряются средства для определения агентов, поскольку нет возможности указать, кто был субъектом в конкретном событии. Такая философия отлично подошла бы для мира, который состоял бы только из бессубъектных процессов и представлял бы собой вереницу, обособленных друг от друга, событий» [1, с. 30].

2) В интенциональных конструкциях, «в которых имеется определенная точка зрения агенса, и которые позволяют приписать некоторым агентам причины, интенции, представления, цели» [1, с. 36].

В. Декомб полагает, что интенциональность выражается только посредством языка (см. [1, с. 36]). В таком случае потеря субъекта есть потеря интенциональных конструкций. При случайной же их утрате и/или сознательном от них отказе невозможно противополжить мою дескрипцию действий агенса описанию его интенций. Следовательно, естественный язык обогащается за счет интенциональных конструкций и обедняется при их отсутствии (см. [1, с. 42]).

Кроме того, отказ от интенциональных конструкций приводит к невозможности дифференциации действительной ситуации от существующей для агенса. В свой черед, это не позволяет отделить объективно-реальное от субъективно-реального. Сверх того, становится невозможным различение видения ситуации агентом от первого и от третьего лица. Помимо прочего В. Декомб констатирует, что интенциональные конструкции позволяют произвести процесс атрибуции, неосуществимой без них [Цит. по: 1, с. 36].

Таким образом, базируясь на предшествующем анализе попыток построения «философии без субъекта», французский философ умозаключает, что *Homo Sapiens Sapiens* имеет потребность в концепте субъекта, но только в определенном, как дополнении агенса, который бы «мыслился не как сущность» [1, с. 43]. Этот субъект, согласно В. Декомбу, «определялся бы через причинность изменений внутренних или, в более общем случае, через причинность отношений, который он может иметь с самим собой» [Там же].

Винсент Декомб констатирует, что «философии нужен концепт субъекта, поскольку он является базовым в нашей языковой практике» [1, с. 120]. И именно он, согласно французскому мыслителю, должен пониматься как дополнение агенса (см. [Там же.]).

Для самоидентификации и отделения себя от других грамматически используется местоимение «Я». Однако, корректно ли его использование в такой роли? Здесь надо разграничить два случая и два соотносящихся с ними вопроса: 1) Возможно ли уразуметь, в случае агенса от первого лица, кто конкретно был субъектом? 2) Надо ли мне спрашивать о том, кто является субъектом, если я емь субъект? Так, в первом случае, во фразе «Я открыл окно», нельзя явно распознать субъект, потому что «Я» не обладает определенной и однозначной идентификацией, которая наличествует лишь в третьем лице, во втором же случае — в предложении «Я написал статью» — просто отсутствует смысл спрашивать о субъекте, если я емь субъект, Кудрин Сергей Константинович, написавший статью и сам себе задавший вопрос: «Кто написал статью?»

Существует немало учений о феномене «себя самого», в которых философский концепт субъекта представлен в самом факте выражения его от первого лица. Это множество доктрин В. Декомб именуется «когнитивной эгологией» [1, с. 125]. «Эгология, иначе "доктрина себя", когнитивна в том смысле, что утверждает возможность иметь знание о себе самом как о субъекте, лежащее в основе использования первого лица» [1, с. 125–126]. «Предметом эгологии является объяснение того, откуда я знаю, что я емь я» [1, с. 130]. Согласно французскому мыслителю, «это знание выражается в пропозиции: "Я есть я сам". Эгология утверждает, что эта фраза <...> фундаментально, субстанционально истинна» [цит. по: 1, с. 130].

В когнитивной эгологии предполагается, что необходимо учитывать одно требование, для корректного применения грамматически первого лица: необходимо нечто знать о себе. Тут и содержится проблема эгологии, заключенная в поиске источника такого знания, а также нахождения формы овладения им (см. [1, С. 131–132]).

Выразителями эгологии в истории европейской философии, среди прочих, были Р. Декарт [22], Ж.-П. Сартр [23], Э. Гуссерль [24], Г. В. Ф. Гегель [25]. Высокая популярность эгологии и ее широкая распространенность в современной западной мысли, связывается В. Декомбом с догматичным применением терминологии и концептуальной путаницей в различных направлениях философии.

С его позиции, необходимо отличать эгологию от философии первого лица. Расхождение между ними выражается в форме расхождения обстоятельств применения возвратных глаголов (в настоящей ситуации — в насущности аппликации психологических глаголов).

Французский мыслитель отмечает — любая философия первого лица отнюдь не является эгологией, поелику она оспаривает тезис, что «в первом лице говорящий обозначает субъект предикации, который он позволяет идентифицировать как существо, им самим обозначенное как "я" или как "я сам", то есть, тем самым, он сам себя с ним идентифицирует» [1, с. 131]. При выражении от первого лица спикер не должен утверждать, что он есть тот индивид, который говорит в данный момент времени.

В эгологии же «субъект — не человек, не индивид, опознанный как человек, то есть живое тело, живущее так, как живет человек, животное человеческого вида» [1, с.

133]. Субъектом эгологии является *ego*. А значит, «философия субъекта должна, где-то за границами человеческого существования, отыскивать определение человеческой идентичности, которая выражается через грамматическое первое лицо» [1, с. 133–134].

В. Декомб, производя описание когнитивной эгологии, подвергает ее критике. В главе III. «Когнитивная эгология» своего трактата он «разбирает отношения с собой, которые выражаются в акте указания на самого себя. Этот акт носит характер возвратности, для того, кто совершил действие и это можно осмыслить, только если факт произнесения слова "Я" позволяет говорящему "позиционировать себя в качестве субъекта", отличного от такого индивида, которым его видят другие. Развитие этой интерпретации первого лица порождает философию сознания» [1, с. 18–19], как компонента когнитивной эгологии. С точки зрения Винсента Декомба, «такая философия сознания была разбита в пух и прах своей системой аргументации еще Л. Витгенштейном. В качестве ответа эта философия сознания предпочла сделать вид, что не заметила данную аргументацию и после чего продолжила существовать, будто и не было ее критики Витгенштейном» [1, с. 19].

Французский философ указывает, что эгология строится на двух доминирующих идеях:

1) Слово «Я» в высказывании отсылает к самому себе через простое тождество Я=Я, выражающее способность знания самого себя.

2) Необходимость в феномене самого себя или передаче себя самому себе исключительно в качестве себя и в виде себя, чтобы была возможность обозначить словом «Я» употребившего его, коя реализуется при помощи самореференции: саморазличения и самоотождествления.

В. Декомб полагает, что эти две идеи ошибочны. Первая из идей соотносится с неопределимым референтом в первом лице, в котором непонятно кто есть субъект (см. [1, с. 135]), поскольку привязка к конкретному субъекту реализуется только лишь в действии. В том случае, когда производится попытка дефиниции субъекта через первое лицо, «Я» определяется неточно и неясно, непонятно для Другого, потому что оно не дает возможности противополжить воплощенное агенсом в реальность и бывшее у него намерение по отношению к воплощаемому (см.: [1, с. 31]). Помимо этого, эгология утверждает, что она «делает отсылку к себе же, к своему *ego*. От этого ее проблемы не уменьшаются, ибо непонятно в чем суть разницы между самореференцией и референцией к себе иному?» [1, с. 142]. Кроме того, согласно Л. Витгенштейну, «если бы слово "я" имело <...> референтивную функцию, оно могло бы быть употреблено ошибочно. И наоборот. Если оно обязательно должно быть употреблено для корректного обозначения личности говорящего, тогда у него не должно больше быть этой функции выбора референта из всех других возможных» [1, с. 161] (см. более подробно критику Л. Витгенштейна, что «я» не может иметь референцию на себя: [1, с. 161]).

Второй тезис сложен тем, что, «прежде, чем, идентифицировать себя самого как себя самого, необходимо знать, что значить быть собой. Но знать, что такое быть "X" не тождественно тому, что знать: "Я есмь X". Здесь должно произойти совпадение двух знаний. Если же они не совпадут, то может случиться так, что я буду знать, что такое "Я" через факт того, что я дан себе в форме меня самого, но, при этом, не буду

способен обозначить того, кого следует обозначить в качестве меня, известного как я» [1, с. 132–133]. К примеру, из высказывания Ренатуса Картезиуса *cogito ergo sum* вовсе нельзя вывести то, что *res cogitans sum* (детально, см. [26]).

Второй тезис, как и первый, пробует анализировать «Я», абстрагируясь от действия, но (в отличие от первого) также и от других людей. Хотя именно благодаря этим двум факторам реальное «Я» и возникает. В дополнение к этому, к нему может быть отнесена аналогичная критика, как и к первому тезису — о неточности и неясности «Я». Все, отмеченное выше, доказывает ложность этого тезиса.

Таким образом, когнитивная эгология, две основополагающие идеи которой оказались ошибочными, ложна сама по себе (см. [1, с. 137]).

В. Декомб заявляет, что невозможно однозначно определить субъект в языке от первого лица, по причине того, что он, как было обнаружено ранее в настоящей статье, эксплицируется в действии. При сочетании вопроса: «Кто это сделал?» и ответа: «Я», тут же появляется закономерный вопрос: «Кто это "Я"?", и все последующие ответы на этот вопрос, дабы отчетливо определить субъект, завершаются ничем, а именно — уходом в «дурную бесконечность».

Французский философ, в результате того, что уже была доказана неспособность четко идентифицировать субъекта от первого лица, разграничивает концепции «Я» и «субъект». *Я* не есть *субъект*, как и *субъект* не есть *Я*. Винсент Декомб полагает, что необходимо дифференцировать также остальные термины, кроме *Я* и *субъекта*, которые относятся к самосознанию: «его», «себя», «самость», «субъективность», — потому что эти термины ссылаются на различных референтов и обладают разными значениями. Французский философ в своем трактате утверждает, что «невозможно будет собрать воедино под одним концептом все употребления слов, касающихся самосознания: *ego*, *Я*, *себя*, *самость*, *субъект*, *субъективный* и так далее» [1, с. 13].

Тем самым, детально осуществив анализ имеющихся вариантов, Винсент Декомб резюмирует два условия определения субъекта: 1) только в третьем лице и 2) ретроспективно. Другие же условия ошибочны, ибо приводят к интеллектуальным затруднениям, из-за которых нельзя неоспоримо и точно обозначить субъект. Высказывания от первого и второго лица продуцируют ошибку из-за неясной и неконкретной формулировки при указании на субъект, а проспективный вариант — из-за влияния в грядущем намерений агенса, которые необходимо будет сепарировать от его реального действия, кое он воплотит в будущем.

Частные — этический, политический и юридический — концепты субъекта

За исключением общего субъекта, В. Декомб определяет три его частных концепта: этический, политический и юридический субъекты, базируясь на философии психологических глаголов Людвиг Витгенштейна, с детальным разбором

Концептуальные основания философии субъекта в Декомба: общее и особенное

использования субъекта как дополнения агенса в строго определенных сферах социума: этической, политической и правовой (см. [1, с. 19]).

Винсент Декомб заявляет, что «философ хочет разработать этику субъекта, если он задается целью подвергнуть некий глагол, взятый из этического словаря, "субъективному анализу"» [1, с. 212]. Затем французский мыслитель демонстрирует, что подразумевает под собой субъективный анализ, на примере словосочетания «заботиться о себе»: «это означает, что индивид, который заботится о себе, производит в отношении самого себя (и одновременно претерпевает от своего действия) фундаментальные изменения, которые философы называют "составлением субъекта самому себе"» [1, с. 212]. Аналогичным способом французский философ производит анализ глаголов из этического словаря: «выбирать самого себя», «существовать в первом лице», «стать самим собой», «существовать для себя» и т. п. (см.: [1, с. 211–346]). Посредством разбора этических глаголов, описанных выше, он стремится выяснить, «права ли философия субъекта, когда она утверждает, что, используя эти глаголы по отношению к индивидам, можно наблюдать акт автопозиционирования, то есть акт, предполагающий обязательную идентичность того, кто является агенсом акта, и того кто является его пациенсом» [1, с. 350]. При правильно примененном субъективном анализе, лишь в этическом словаре глагол «должен отражать акт (или же поведение), который требует идентификации и субъекта, и объекта» [1, с. 213].

Тот же алгоритм В. Декомб применяет и к глаголам политического словаря, «с помощью которого можно разбирать феномены политики (командовать, подчиняться)» [1, с. 213]. Французский автор полагает, целью политической философии субъекта проведение на практике семантического субъективного анализа указанных выше основных глаголов политического словаря (см. далее [1, с. 350]).

Для юридического словаря Винсент Декомб вводит аналогичную методологию, производя субъективный анализ таких выражений, как «задать правило самому себе» и «управлять самим собой».

Главенствование грамматического метода в «Дополнении к субъекту» явно и неоспоримо. Французский исследователь даже определяет философию субъекта и мыслителей, занимающихся ей, через использование этого метода (см. [1, с. 211]).

В. Декомб утверждает, что подбор высказываний для грамматического анализа зависит от их применения в философии субъекта. Для него, в данном случае, итогом является оправданность употребления каких-либо фраз (этических, политических, юридических) применительно к общему субъекту (дополнению агенса). В конце концов, французский мыслитель хочет концептуально обсудить возможность использования определенных выражений с целью описаний действий агенса.

По мнению французского мыслителя, этический, политический и юридический концепты субъекта существуют единственно как его варианты, поэтому Винсент Декомб не дает им автономных определений, полагая их основанием общего субъекта.

Однако среди трех частных субъектов французский исследователь определяет в качестве главного политический субъект. Он важнее оставшихся двух, ибо, согласно В. Декомбу, в политике можно найти истинный смысл «Схватки за субъект» (см. [1, с. 349]). Для французского мыслителя «человек первостепенно становится субъектом в

том случае, когда осуществляет революцию во имя прав человека» [1, с. 349]. Тем не менее, Декомб заключает, что политическую историю не следует определять в том же ключе, в котором классический марксизм детерминировал экономическую сферу. Именно по этой причине нельзя использовать политический словарь для понимания исторических результатов философии субъекта. Ведь это значило бы, что исследователь вознамерился постичь историю онтологии в значении метафизики через политическую историю, при том, что у онтологии есть самостоятельное, отдельное от политики, собственное содержание.

Остальные два частных концепта субъекта — этический и юридический — не зависят от политического, хотя и имеют меньшую значимость. Несмотря на это, все частные субъекты равны относительно общего субъекта — дополнения агенса.

Резюмируя, следует отметить, что три частных концепта субъекта нужны не только для полного раскрытия общего концепта субъекта у В. Декомба, но и для реализации в качестве необходимого дополнения к нему. В отсутствии частных концептов субъекта, общий не является полностью раскрытым, и, стало быть, целиком изученным. Таким образом, не стоит ни преуменьшать, ни преувеличивать ценность частных концепций субъекта, разумея занятое ими местоположение в философских построениях Винсента Декомба, в виде разъясняющих и детализирующих общую концепцию субъекта как дополнения агенса.

В качестве итога нужно отметить, что в данной статье была отражена только положительная сторона концепции субъекта как дополнения агенса, \подробная же критика ее была указана в других статьях по данной теме таких зарубежных философов как С. Шовье, Х. Шовире, С. Логье (французская аналитическая традиция); среди же отечественных мыслителей эту тему непосредственно затрагивали И. В. Дуденкова, С. В. Комаров, С. К. Кудрин.

Список литературы

1. Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. — 576 с.
2. Fouré L. «Entretien avec Vincent Descombes». URL: <https://www.cairn.info/revue-le-philosophe-2005-2-page-7.htm#> (дата обращения: 06.04.2020).
3. Уэст Д. Континентальная философия. Введение. — М.: Дело, 2015. — 448 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Академический проект, 2015. — 452 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. — М.: АСТ, 2017. — 928 с.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — М.: Наука, 2000. — 380 с.
7. Castoriadis C. Philosophy, Politics, Autonomy. — New York: Oxford University Press, 1991. — 320 pp.
8. Anscombe E. Intention. — Oxford: Blackwell, 1957. — 106 pp.

Концептуальные основания философии субъекта в. Декомба: общее и особенное

9. Dumont L. Essais sur l'individualisme: Une perspective anthropologique sur l'idéologie modern. — Paris: Seuil, 1983. — 267 pp.
10. Douglas M. Rules and Meanings. The Anthropology of Everyday. — London: Routledge, 1973. — 320 pp.
11. Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. — Cambridge: Harvard University Press, 1989. — 624 pp.
12. Tugendhat E. Self-consciousness and self-determination. — London: MIT Press, 1986. — 368 pp.
13. Рикер П. Я-сам как другой. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. — 416 с.
14. Tesnière L. Esquisse d'une syntaxe structurale. — Paris: Klincksieck, 1953. — 30 pp.
15. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М.: Прогресс, 1988.— 656 с.
16. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 192 с.
17. Дуденкова И. В. Грамматика субъективности и отсутствие субъекта. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/du32.html> (дата обращения: 08.04.2020).
18. Kroeger P. Analyzing Grammar: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 364, xviii pp.
19. Определение дополнения к агенсу. URL: <https://studopedia.info/10-56486.html> (дата обращения: 06.04.2020).
20. Дополнение и его формы. URL: <https://mylektsii.ru/10-29022.html> (дата обращения: 06.04.2020).
21. Gardies J.-L. Esquisse d'une grammaire pure. — Paris: Vrin, 1975. — P. 87-94.
22. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1 — М.: Мысль, 1989. — 654 с.
23. Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. — М.: МОДЕРН, 2015. — 160 с.
24. Гуссерль Э. Картезианские медитации. — М.: Академический проект, 2010. — 229 с.
25. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1927/1928. В записи Иоганна Эдуарда Эрдмана и Фердинанда Вальтера. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 304 с.
26. Комаров С. В. Аналитическая критика картезианского cogito. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18784598_92925851.pdf (дата обращения: 06.04.2020).

S. K. Kudrin. Conceptual foundations V. Descombes' philosophy of the subject: the common and the particular

Annotation. The paper includes a review on the subject's philosophy by Vincent Descombes. The theoretical and methodological description of this philosophy is given, its origins and development are shown. It defines what a grammatical method is, highlights its features and scope of use. The author shows the emergence of the subject's

understanding as an addition of agent as a consequence of the grammatical method. The necessity of this concept is proved, in this proof, the importance of intensional constructions is highlighted. The author criticizes cognitive egology as a set of doctrines that prevent creating a more adequate concept of the subject than existing ones. It describes the particular concepts of the subject — ethical, political and legal subjects. Their interrelations and connection with the general concept of the subject as an addition of agent are reflected. Their significance in the Descombes' subject theory is noted. The paper shows the relevance of the subject's theme in the beginning of the XXI century in Western culture. At the end of the article a list of foreign and domestic thinkers is provided, which are purposefully engaged in criticism, in general, the V. Descombes's philosophy of the subject, i.e. criticism as grammatical method, in general, and criticism of the use of the grammatical method from French thinker and criticism of understanding of the subject as an addition of agent.

Key words: the subject philosophy, Vincent Descombes, the grammatic method, Ludwig Wittgenstein, the subject as an addition of agent, analytic philosophy, the French analytic tradition.

References

1. Dekomb V. Dopolnenie k sub"ektu: issledovanie fenomena deistviya ot sobstvennogo litsa [Addition to the subject: the Study of the Phenomenon of Action on their own Behalf]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2011. 576 pp.
2. Fouré L. «Entretien avec Vincent Descombes». URL: <https://www.cairn.info/revue-le-philosophe-2005-2-page-7.htm#> (data obrashcheniya:06.04.2020).
3. Uest D. Kontinental'naya filosofiya. Vvedenie [Continental Philosophy. Introduction]. Moscow, Delo, 2015. 448 pp.
4. Khaidegger M. Bytie i vremena [Being and Time]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2015. 452 pp.
5. Sartr Zh.-P. Bytie i nichego. Opyt fenomenologicheskoi ontologii [Being and Nothingness. An Essay of Phenomenological ontology]. Moscow, AST, 2017. 928 p.
6. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. Moscow, Nauka, 2000. 380 pp.
7. Castoriadis C. Philosophy, Politics, Autonomy. New York: Oxford University Press, 1991. 320 pp.
8. Anscombe E. Intention. Oxford, Blackwell, 1957. 106 pp.
9. Dumont L. Essais sur l'individualisme: Une perspective anthropologique sur l'idéologie modern. Paris, Seuil, 1983. 267 pp.
10. Douglas M. Rules and Meanings. The Anthropology of Everyday. London, Routledge, 1973. 320 pp.
11. Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge, Harvard University Press, 1989. 624 pp.

Концептуальные основания философии субъекта в. Декомба: общее и особенное

12. Tugendhat E. Self-consciousness and self-determination. London, MIT Press, 1986. 368 pp.
13. Riker P. Ya-sam kak drugoi [OneSelf as Another]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2008. 416 pp.
14. Tesnière L. Esquisse d'une syntaxe structurale. Paris, Klincksieck, 1953. 30 pp.
15. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. Moscow, Progress, 1988. 656 pp.
16. Vitgenshtein L. Zametki o filosofii psikhologii [Notes on the Philosophy of Psychology. Volume 1]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 2001. 192 pp.
17. Дуденкова И. В. Грамматика субъективности и отсутствие субъекта [The Grammar of Subjectivity and the Absence of a Subject]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/du32.html> (дата обращения: 08.04.2020).
18. Kroeger P. Analyzing Grammar: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 364, xviii pp.
19. Opredelenie dopolneniya k agensu [Definition of an Addition of Agent]. URL: <https://studopedia.info/10-56486.html> (дата обрaшчeния: 06.04.2020).
20. Dopolnenie i ego formy [Additions and its Forms]. URL: <https://mylektsii.ru/10-29022.html> (дата обрaшчeния: 06.04.2020).
21. Gardies J.-L. Esquisse d'une grammaire pure. Paris, Vrin, 1975. P. 87–94.
22. Dekart R. Sochineniya v 2 t. T. 1 [Works in 2 v. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1989. 654 pp.
23. Sartr Zh.-P. Transtsendentsiya Ego. Nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya. [The Transcendence of the Ego. Sketch of Phenomenological Description]. Moscow: MODERN, 2015. 160 pp.
24. Gusserl' E. Kartezijskie meditatsii [Cartesian Meditations]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2010. 229 pp.
25. Gegel' G. V. F. Lektsii po filosofii dukha [Lectures about the Philosophy of Spirit]. Berlin 1927/1928. V zapisi Ioganna Eduarda Erdmana i Ferdinanda Val'tera. Moscow, Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2014. 304 pp.
26. Komarov S. V. Analiticheskaya kritika kartezijskogo cogito [Analytical Criticism of the Cartesian Cogito]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18784598_92925851.pdf (дата обрaшчeния: 06.04.2020).

Сведения об авторе:

Кудрин Сергей Константинович - аспирант Института Философии СПбГУ кафедры онтологии и теории познания, философский исследователь, литератор.